

ТИХАЯ ОБИТЕЛЬ

РУСЛАН МАХМУДОВ

18+

Руслан Махмудов

Тихая обитель

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Тихая обитель / Р. Махмудов — «Автор», 2026

Полгода Павел Корнеев ищет пропавшую дочь. Единственная зацепка — фотография из закрытой общины в карельских лесах. В отражении окна он узнаёт Лизу. Бывший капитан полиции приезжает в «Новый Иерусалим» под видом человека, которому нужны покой и новая жизнь. Здесь отказываются от телефонов, трудятся сообща и благодарят Отца за избавление от прошлого. Но за улыбками скрывается страх, откровенные разговоры становятся оружием, а тех, кто «очистился полностью», больше никто не видит. Павел начинает поиски — и вскоре перестаёт доверять собственной памяти. Пока он пытается выяснить, где держат дочь, община узнаёт его слабости. Чтобы выбраться вместе с Лизой, ему придётся раскрыть тайну исчезновений и признать то, чего он годами не хотел замечать в собственной семье.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Конверт	6
2. Последний магазин	9
3. Расписка	12
4. Общий стол	15
5. Счет людей	18
6. Мастерская	21
7. Право уйти	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Руслан Махмудов

Тихая обитель

Тихая обитель

Руслан Махмудов

1. Конверт

Конверт лежал между квитанцией за воду и рекламой доставки. На нем было написано только: «Корнееву Павлу Сергеевичу». Ни индекса, ни обратного адреса. Буква «р» провалилась под строчку, будто писавший стоял и придерживал бумагу на весу.

Павел взял почту левой рукой. В правой он держал пакет с двумя яблоками и хлебом; пока возился с замком, одно яблоко выкатилось на лестничную площадку. Он оставил его возле стены. Поднял уже после того, как увидел фотографию, — зачем-то вернулся, положил фрукт под кран, долго тер пальцами мокрый бок.

На снимке шесть человек стояли у дощатого здания. Молодая женщина держала корзину, двое мужчин несли свернутую сетку. Люди смотрели мимо фотографа. На переднем плане мальчик в резиновых сапогах прижимал к животу кота. Было пасмурно, и лица получились плоскими, с темными провалами вместо глаз.

Лиза стояла не среди них.

Павел узнал ее в отражении окна: левое плечо, узкий подбородок, рука возле шеи. Так она держала ворот, когда замерзала. Изображение едва помещалось между рамой и белой полосой, похожей на часть цифры. Лица почти не было видно. За полгода Павел рассмотрел сотни случайных женских лиц на снимках, присланных после ориентировок. Каждую новую фотографию он поначалу отодвигал: боялся еще одного вечера с чужой дочерью на экране. Теперь отказать себе не смог.

На обороте было три строки:

«Новый Иерусалим. Карелия. Она пока здесь».

Ниже — номер телефона.

Он набрал его, не снимая куртки. Абонент оказался недоступен. Павел позвонил снова, затем нашел в контактах Марину Орлову.

— Только не говори, что тебе опять прислали девушку с вокзала, — сказала она вместо приветствия.

— Приезжай.

— Я на работе.

— Тогда я к тебе.

Орлова встретила его в кафе через дорогу от отдела. За все годы службы она не научилась есть быстро: разламывала сырник на маленькие куски и каждый раз забывала про вилку, когда начинала слушать. Теперь вилка так и лежала на салфетке.

Павел положил фотографию перед ней.

— Похожа, — сказала Марина.

Он дернул рукой.

— Я вижу, что это она.

— Я сказала: похожа. Давай начнем с этого.

Орлова сфотографировала снимок с обеих сторон. У нее был новый телефон в прозрачном чехле; под чехлом лежала школьная фотография сына. Павел отвел глаза.

— Когда принесли?

— Сегодня. В ящике.

— Конверт?

Он достал его из внутреннего кармана.

— Руками уже трогал?

— Да, Марин. И зубами, если тебе это нужно для протокола.

Она не ответила. Перевернула конверт салфеткой, посмотрела на край, будто там мог остаться человек, опустивший его в ящик.

— Номер будем проверять. О поселении запросим. Сама фотография когда сделана, неясно.

— Сетка для рыбы. Листья зеленые.

— Это может быть июнь. Или прошлое лето.

— Прошлым летом она была дома.

— Большую часть времени. Ты не был с ней каждую минуту.

Он посмотрел на нее так, что Марина наконец взяла вилку.

В деле о пропаже лежало последнее сообщение дочери: «Пап, мне нужно пожить без разговоров об этом. Я в порядке». После него она выключила телефон. Павел четыре дня убеждал себя, что не станет писать. На пятый позвонил ее подруге, на шестой обошел больницы. Подруга Надя исчезла одновременно с Лизой, но это выяснилось позже: мать Нади жила в другом городе и привыкла, что дочь звонит редко.

Шесть месяцев состояли из несовпадающих сведений. Купленный билет до Петрозаводска. Две девушки у кассы магазина. Номер машины, в котором свидетельница перепутала три цифры. Выписка из счета с последней покупкой в начале апреля. Раз в несколько недель появлялся человек, уверявший, что видел Лизу, и Павел ехал слушать, как тот вспоминал цвет ее куртки.

— Ты знаешь, что она могла уйти добровольно, — сказала Орлова.

— Добровольно можно не звонить. Нельзя добровольно исчезнуть из всех больниц, банков и камер.

— Можно. Это не делает меня спокойнее. Это значит, что я не могу войти в каждый дом с твоей фотографией и обыскать его.

Павел слышал эту фразу десятки раз, в том числе от себя — другим людям, много лет назад.

— Я не прошу обыска. Узнай, что там.

— Узнаю. А ты сегодня никуда не едешь.

Он молчал.

— Паша.

— Пообедай. Остыло все.

Орлова положила вилку.

— Ты ушел со службы, когда понял, что не удержишь себя в руках. Это было правильное решение. Не надо сейчас доказывать, что оно было временным.

Он взял фотографию за самый край. Марина придержала ее пальцем.

— Оригинал оставь.

Ему захотелось оттолкнуть ее руку. Он успел заметить это желание раньше, чем пошевелился, и разжал пальцы.

Дома Павел открыл шкаф в комнате Лизы. Он не заходил сюда девять дней. На столе лежала раскрытая тетрадь по социологии, а между страницами — зеленый билет из кино. Он когда-то решил, что эти вещи нужно оставить нетронутыми, потому что дочь может вернуться и рассердиться. Потом перестал убирать и в остальной квартире.

В рюкзак он положил шерстяные носки, белье, дождевик. Старую служебную привычку составлять запасной набор вещей пришлось остановить: нож с фиксированным лезвием, наручники, удостоверение, ставшее недействительным, ничего ему не давали. Корнеев убрал их обратно в ящик. Взял маленький складной нож для хлеба и бумажную карту.

Телефон зазвонил около девяти.

— Где вы взяли номер? — спросил мужчина.

Голос был хриплый, с привычкой недоговаривать окончания.

— Вы прислали фотографию?

— Я только передал.

— Мою дочь видели?

На другом конце кто-то отодвинул стул. Павел услышал скрип, затем слабый металлический звон.

— За Ямкой есть магазин. Двадцать первый километр старой дороги. Завтра в три. Если с вами кто-нибудь будет, я не выйду.

— Как вас зовут?

— Иван Гущин. Только не звоните больше.

— Постойте. Она жива?

Связь оборвалась.

Павел переслал номер Орловой. Написал место и время, затем позвонил. Марина выслушала его без вопросов.

— Я уведомя коллег. С этим человеком встретиться в людном месте. В лес за ним не иди.

— Магазин и так людное место.

— Ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю.

— И что?

Он смотрел в темное окно. На стекле отражалась дверь Лизиной комнаты.

— Я буду на связи.

— В семь вечера и в десять утра. Если пропустишь, действуем по маршруту. Не меняй его молча.

Павел согласился. Он записал время на обратной стороне магазинного чека, хотя ничего не собирался забывать.

Ночью он не спал. Под утро включил старое голосовое сообщение Веры. Она просила купить молока и сказала, что дома есть пирог. Он давно знал наизусть даже короткий вдох перед словом «молока». Сообщение было отправлено за восемь месяцев до ее смерти, когда просьба купить продукты еще не означала, что ей трудно встать.

Впервые за долгое время он дослушал его до конца и не включил снова.

2. Последний магазин

Гущин ждал не у магазина. Он сидел за углом в машине, на заднем сиденье, хотя водительское было пустым. Павел заметил его сразу, но сначала вошел внутрь. Купил воду и печенье. Продавщица подала сдачу и посмотрела на рюкзак.

— На рыбалку?

— К знакомым.

— Тогда хлеб возьмите. У меня завтра выходной.

Он взял батон. Пока она искала пакет, из подсобки раздался кашель и требовательное «мам». Продавщица крикнула, что идет. Это простое раздражение почему-то успокоило Павла сильнее, чем приветливость.

Он вышел, положил покупки на скамейку и набрал Орлову.

— Я на месте. Машина серая, универсал. Номер сейчас пришлю.

Гущин увидел телефон и распахнул дверь.

— Мы же договорились!

Павел завершил разговор.

— Договорились без людей. Я один.

— Тогда садитесь.

— Здесь поговорим.

Гущин посмотрел на дверь магазина и выбрался наружу. Был он моложе, чем казался по голосу, лет сорока, с узкими плечами и желтоватой бородой. На нем была куртка транспортной компании с отпоротым нагрудным знаком. Он мял в руке пачку сигарет, но не доставал ни одной.

— Фотография откуда? — спросил Павел.

— Снимал один приезжий. Для отчета. Там надо, чтобы были люди, овощи, дети. Чтобы покупателям нравилось.

— Каким покупателям?

— Ну которые берут. Постельное, мед, сушеное. Я туда грузы возил.

— Когда в последний раз?

— Месяц назад.

— Мою дочь видели?

Гущин провел пальцем по краю пачки.

— Нет.

— Тогда зачем написали, что она пока там?

— Не я написал.

— Кто?

— Один человек попросил передать. Он мне раньше помог. Я обещал.

Павел дождался, пока Гущин поднимет глаза.

— Человек внутри?

Тот кивнул.

— Имя.

— Нет.

— Вы понимаете, что речь о пропавшей девушке?

— Я как раз это понимаю. А вы пока думаете, что там просто забор и надо найти дырку.

Из магазина вышла женщина с мальчиком. Гущин отвернулся к машине. Мальчик встал посреди двора, стал долго поправлять ляжку комбинезона, и никто его не торопил. Павел уже открыл рот, когда понял, что сейчас скажет Гущину тем голосом, которым раньше заставлял людей говорить быстрее. Он закрыл рот и подождал.

— Я там жил, — сказал Гущин, когда покупатели ушли. — Два года. Потом возил им товар. Потому что больше ничего не умел и думал, если уехал, значит, свободный. Пакет мне дали в августе. Я только неделю назад решился отвезти.

— Вы были в Петербурге?

— За запчастями. Адрес был на листке. Я листок сжег.

— У вас осталась фотография?

— Нет. У меня ничего не осталось.

Он произнес это с такой торопливостью, что Павел не поверил. Но спорить не стал.

Гущин показал дорогу на бумажной карте. От магазина до бывшей лесной базы шла старая грунтовка, местами выложенная плитами. После моста у развилки следовало держаться правее. Дальше был поворот с белой стрелкой на дереве.

— Машиной туда нельзя без приглашения. Новых забирают у шлагбаума на большой дороге. Запишитесь. В интернете у них анкета.

— Сколько ждать?

— Иногда неделю. Сейчас осенний набор. Руки нужны.

— Туда можно приехать просто так?

Гущин впервые достал сигарету.

— Смотря кто приедет.

Они помолчали. Павел смотрел на его пальцы. Гущин держал сигарету двумя руками, словно прикурить собирался на сильном ветру, хотя воздух был неподвижен.

— Если у вас есть что сообщить полиции, я могу помочь.

— Помочь вы можете тому, кто согласен. Я не согласен.

— Вы боитесь их?

Гущин засмеялся без звука.

— Я оттуда ушел с паспортом и деньгами. Сам. На автобусе. Вопрос был один: «Ты уверен, Ваня, что справишься?» Полгода после этого мне казалось, что я не умею покупать хлеб. Стою перед полкой и жду, чтобы разрешили. Вы думаете, я испугался охранника?

— А паспорт вам сразу отдали?

— Мне — да.

Он затушил почти целую сигарету подошвой.

— Не говорите, что от меня. Там есть люди, которым будет хуже.

Когда Гущин уехал, Павел отправил Орловой фотографию карты с отметками. Марина перезвонила через десять минут.

— Объединение зарегистрировано. Не религиозная организация. Что-то вроде хозяйственного кооператива, точное название пришлю. Участок у них законный. Ранее жалобы были на условия труда и невозврат денег. Отказывались от заявлений, разбирательства не довели. Это пока предварительно.

— Девушки?

— Ориентировки направлены. И я сообщила о фотографии, Паша. Не надо потом говорить, что никто не искал.

Он услышал, как она вдохнула, и приготовился к запрету.

— Там работает человек, который может прийти по обращению. Не сегодня. Дай ему время.

— Сколько?

— Не обещаю того, чего не знаю.

Павел смотрел на белую стрелку, нарисованную Гущиным. Полгода назад он тоже ждал. Потом понял, что ожидание не было отдельным состоянием: оно съело работу, сон, разговоры и осталось единственным занятием.

В гостинице районного центра он заполнил анкету. Назвался Павлом Сергеевым, указал, что недавно потерял жену, устал от города, умеет чинить мебель. Паспортные данные в форме не требовали. В графе «Что мешает вам услышать себя?» написал: «Память». Он долго смотрел на это слово, затем отправил.

Ответ пришел вечером: место на ознакомительную неделю освободилось. Следовало приехать завтра к полудню, взять рабочую одежду и лекарства, если они необходимы. Внизу стояло: «Семья никогда не продает покой. Проживание и питание — в обмен на посильную помощь».

Павел переслал ответ Марине.

Она позвонила сразу.

— Ты собираешься представляться чужим именем?

— Фамилией. Имя настоящее.

— Они увидят паспорт.

— Корнеев — фамилия жены. Это можно объяснить.

— Она не меняла фамилию.

Он потер лоб.

— Да. Можно просто сказать, что не хотел светить данные в интернете.

— Вот это хотя бы похоже на правду. Ты уже путаешься, еще не приехав.

Он хотел ответить, что много лет работал с людьми под легендой, но это не было правдой. Он допрашивал, задерживал, просил соседей посмотреть в глазок. Работа разведчика осталась в сериалах, которые Лиза смотрела с насмешливым вниманием.

— Подключи коллег, — сказал он. — Я ничего не собираюсь предпринимать. Посмотрю, узнаю, кто на фото. Если найду ее, позвоню.

— Договоренность по времени сохраняется. И еще: если ты увидишь преступление, сообщай сразу. Не ждешь, пока разберешься во всем один.

— Хорошо.

После разговора Павел положил телефон на кровать и достал снимок, распечатанный в районном фотоателье. Оригинал остался у Орловой. Теперь он мог рассматривать изображение, не боясь затереть его пальцами.

Возле окна была темная полоса. Павел принял ее за водосток, но в увеличении она оказалась концом весла. Здание стояло у воды.

Он отметил это на чеке с временем звонков и убрал фотографию в конверт гостиницы.

3. Расписка

Фургон опоздал на сорок минут. Вместе с Павлом под навесом остановки ждал молодой мужчина в тонкой городской куртке. Он то и дело выходил на обочину и смотрел на дорогу, хотя звук двигателя было бы слышно раньше, чем машину.

— Тоже в Иерусалим? — спросил он наконец.

— Да.

— Илья. Я думал, нас будет больше.

— Может, в другой день приезжают.

Илья кивнул с благодарностью, будто Павел снял с него ответственность за пустую остановку.

Водитель фургона представился Матвеем. Его выцветшая куртка была аккуратно зашита на локтях. На среднем пальце правой руки белел старый неровный рубец. Он забрал рюкзаки, но в салон заглядывать не стал.

— Здесь дороги нет, держитесь, — сказал он.

Дорога была. Просто ее давно не ремонтировали. Машина медленно переваливалась через плиты, поднималась на каменные гряды, затем снова ныряла в низину. Павел считал повороты, пока не понял, что после восьмого у него остались в памяти только первые три. Тогда стал искать ориентиры: сгоревший пенёк, мост без одного ограждения, сосна с двумя стволами. Между деревьями несколько раз мелькнула вода.

— Медведи есть? — спросил Илья.

— Есть.

— Близко подходят?

— Если кормить, подойдут.

Матвей больше не разговаривал. Илья усмехнулся, посмотрел на Павла и тоже замолчал.

У въезда стояли деревянные ворота, раскрытые настежь. За ними тянулся двор: дом с широким крыльцом, длинное низкое здание, крытый дровник. На веревках висели белые полотнища. Женщина снимала их и складывала на руку. Когда фургон проехал мимо, она улыбнулась. Через несколько шагов Павел обернулся: женщина уже смотрела на Матвея.

Их встретила Агния — так она назвалась, пожимая руку каждому. У нее были коротко подстриженные седые волосы, острый нос и мягкий, хорошо поставленный голос. Синий свитер сидел на ней как форменная одежда.

— У нас обед через полчаса. Пока устроимся. Дорога утомляет даже тех, кто привык.

В конторе пахло бумагой и нагретым пластиком. У стены стоял принтер, на полке — роутер с мигающими лампочками. Павел посмотрел на него чуть дольше необходимого.

— Хозяйство не может совсем уйти из мира, — сказала Агния. — Мы продаем изделия. Заказываем топливо, медикаменты. Ограничение касается личного цифрового потребления. Иначе человек приезжает, а головой остается в городе.

На столе лежали папки с чистыми бланками. Агния объяснила, что телефоны и документы хранятся в сейфе. Это добровольно; можно не сдавать и вернуться с Матвеем. В течение ознакомительной недели ничего, кроме работы в четыре часа в день, от гостей не ждут. При желании уехать нужно предупредить накануне: транспорт ходит по хозяйственным нуждам.

— Позвонить домой можно? — спросил Павел.

— Конечно. В назначенное время. Обычно после ужина. Мы обязательно говорим об этом родственникам.

— Я должен сегодня в семь.

Агния записала время на полях анкеты.

— Хорошо. Кому?

— Знакомой.

Она подняла глаза, не требуя уточнения.

В паспорте она заметила другую фамилию сразу.

— Корнеев?

— В сети не люблю настоящую указывать.

— Понимаю. Но здесь нужно быть честным. По крайней мере с именем.

Она перечеркнула «Сергеев», вписала «Корнеев», дала расписаться. Удостоверение личности вернула, дождавшись подписи на втором бланке, затем убрала паспорт вместе с телефоном в прозрачный пакет. Заклеила, подписала дату. На руки Павлу досталась копия расписки с перечнем двух предметов.

Все выглядело аккуратно. Именно аккуратность задержала его руку, когда он собирался потребовать паспорт обратно. Для требования понадобилось бы объяснение. Он был уставшим вдовцом, приехавшим довериться людям, и слишком быстро почувствовал, как это объяснение начинает работать против него.

Илья сдал еще планшет. Попросил не потерять зарядный провод, потому что тот «единственный нормальный». Агния улыбнулась.

Жить им предстояло в комнате на четверых. Две кровати были заняты, на одной лежала аккуратно сложенная рабочая одежда. На подоконнике стояла банка с водой и веточкой рябины. Человек у окна поднялся навстречу.

— Семен. Верхнюю полку оставьте свободной, там протекает.

Верхней полкой он называл кровать возле трубы. Протечку сверху выдавал желтый развод на потолке.

— А не починить? — спросил Илья.

— Починить можно. Дождь мешает.

На улице дождя не было.

Семен посмотрел на Павла. Взгляд скользнул по его лицу и остановился на руках. Он был плотным, невысоким, с коротко стриженными темными волосами. Правое веко слегка опускалось, придавая лицу сонное выражение.

— Первый раз? — спросил он.

— Первый.

— Тогда тапки не забудьте. В столовой чисто.

После его ухода Илья сел на кровать и выдохнул.

— Нормально вроде. Я ожидал, будут сразу в белое одевать.

Павел посмотрел на дверь.

— Откуда узнал про них?

— Девушка посоветовала. Не моя. Знакомая. Говорит, приезжаешь и тебя никто ни о чем не спрашивает.

Он произнес это с надеждой. Павел не стал расспрашивать дальше.

На общей стене висело расписание. Подъем, завтрак, труд, обед, свободное время, вечернее собрание. Последний пункт назывался «Возвращение к себе». Рядом было написано от руки: «Сон — тоже наш общий труд. Берегите тишину».

Павел прошел к окну. Из комнаты двор выглядел иначе. Видно было, что за столовой начинается спуск к озеру, а на крыше конторы закреплена небольшая направленная антенна. За дровником женщина в темной юбке несла таз. Она шла, чуть прихрамывая, и Павел открыл окно прежде, чем успел различить лицо.

— Лиза!

Женщина остановилась. Ей было за сорок. Она подняла голову и растерянно улыбнулась.

Илья подошел к нему.

— Знакомая?

— Показалось.

Павел закрыл окно. Снаружи женщина еще стояла с тазом, словно ждала, что ей скажут делать дальше.

На обед их повел Семен. Он шел впереди и не оборачивался, пока они не миновали дровник.

— Здесь не зовут через двор, — сказал он негромко. — Подходят и говорят.

— Кто решил?

Семен остановился у двери столовой.

— Вам разве не тишина нужна?

Он произнес это без насмешки и первым переобулся в оставленные у порога тапки.

4. Общий стол

Суп был горячий и густой. Пока Агния рассказывала о приезжих, Павел съел половину тарелки и почувствовал, что с утра почти ничего не ел. За длинным столом сидели человек двадцать. Остальные, объяснила женщина напротив, работали на кухне, в теплице, на заготовках. Дети обедали раньше.

— И маленькие трудятся? — спросил Илья.

— По силам. Мы тоже в детстве картошку копали.

Женщина улыбнулась и повернулась к соседке. Илья покраснел. Он не собирался никого обвинять, просто хотел заговорить, и Павел узнал знакомую неловкость нового человека, который еще не знает, что считается приличным.

На стене не было икон. Висели рисунки детей и большая карта с нарисованными ручьями. Возле двери стояло пианино без двух клавиш. Тонкая девочка лет двенадцати осторожно вытирала с его крышки круглый след от кружки. Никто ей не мешал.

Ланской вошел, когда подали чай. Он совсем не походил на человека, которого Павел представлял по дороге. Он оказался не старцем и не проповедником в балахоне — высоким мужчиной с усталым лицом, в серой рубашке с закатанными рукавами. На предплечье темнела ссадина. Он нес две тяжелые банки с огурцами и поставил их на стол.

— Тоже оставили без тележки? — спросил кто-то.

— Тележка теперь у теплицы. У нее там жизнь интереснее.

Несколько человек засмеялись. Ланской сел на свободное место рядом с Ильей, попросил передать хлеб. Никто не вставал. Однако разговор, шедший до его появления сразу в нескольких местах, стал общим. Павел заметил это по женщине напротив: она не закончила фразу соседке.

— Павел Сергеевич, — сказал Ланской. — Агния передала вашу просьбу. В семь позвоните. Наши близкие иногда тяжелее нас привыкают к переменам.

— Спасибо.

— Не за что. Чай попробовали?

Напиток был светло-коричневый, пах сеном и чем-то сладким. Павел сделал глоток.

— Сами собираете?

— Часть сами, часть покупаем. Тамара у нас следит. Если есть аллергия, лучше сразу сказать.

Ланской повернулся к Илье, спросил, как дорога. Тот ответил подробно, с извиняющимся смехом. Через пять минут они уже обсуждали старые двигатели: Илья раньше ремонтировал садовую технику и заметно оживился, когда выяснилось, что насос у теплицы часто глохнет.

Павел слушал. У Ланского была редкая способность дать человеку закончить даже неинтересную мысль. Когда Илья перепутал название детали, он не поправил его, а попросил показать завтра. Павел вспомнил, сколько раз перебивал Лизу словами «короче, что случилось», и от этого воспоминания чай стал неприятно вязким.

После обеда гостей повели осматривать хозяйство. Семен показывал мастерскую, Лидия — кухню. Она оказалась той женщиной, что снимала белье у въезда, молодой, с широким лицом и обкусанными ногтями. На запястье у нее был след ожога.

— Полотенца меняем по средам. Грязное в корзину, не на пол, — сказала она. — И кружки каждый за собой моет. Имена снизу.

Павел перевернул свою кружку. На доньшке карандашом было написано «Павел». Надпись еще пачкалась.

Возле сарая мужчина с огромной седой бородой строгал колышек. Семен представил его Саввой. Тот спросил, не привез ли кто газет, и тут же рассмеялся, будто удачно пошутил.

— У нас он про все спрашивает, — сказал Семен.

Савва опустил голову. Щепка у него вышла длинной, свернулась вокруг большого пальца. Павел заметил, что мужчина дрожит, хотя тепло одет.

Вечером к семи он пришел в контору. Агния достала запечатанный пакет, показала неповрежденную полоску, вручила телефон. Сигнала не было.

— Здесь через наш интернет. Можете подключиться.

Она продиктовала пароль. Он позвонил Орловой через мессенджер. Агния не вышла, но пересела к другому столу и стала разбирать накладные.

— Устроился? — спросила Марина.

— Да. Все спокойно.

— Нужна помощь?

Он посмотрел на Агнию. Та раскладывала листы по датам.

— Пока нет. Приехал еще один человек. Живем в комнате на четверых. Озеро рядом. Работать начну завтра.

— Запомнила. Следующий звонок в десять.

— Да.

— Паша. Фотография у коллег. Работают.

— Хорошо.

Он мог сказать: женщина сидит рядом. Мог спросить, почему добровольный разговор ведется при свидетеле. Но вся эта сцена еще допускала невинное объяснение, и он не хотел первым превращать ее в конфликт. Корнеев поймал себя на этом и ощутил досаду. За несколько часов он успел найти причины промолчать дважды.

На собрании люди сидели кругом. Ланской предложил каждому назвать что-нибудь, что сегодня удалось. Агния рассказала о новом заказе. Илья — о насосе, который еще не видел. Савва сказал, что готовые колышки можно забрать. Когда очередь дошла до Павла, он назвал звонок знакомой.

— Она спокойна? — спросил Ланской.

— Да.

— А вы?

— Еще нет.

Ланской кивнул и не стал развивать разговор. Павел был ему за это благодарен и рассердился на себя за благодарность.

Позже все пили вечерний настой. Он был темнее дневного. Лидия ставила кружки, свертывая с маленькой карточкой. Одну — для Саввы — она отнесла отдельно, с блюдцем. Савва не притронулся к ней, пока Матвей не подошел и не положил руку ему на плечо.

В комнате Илья уснул почти сразу. Павел долго слушал, как по водосточной трубе стучат редкие капли. Он собирался встать и посмотреть расписание еще раз, но тело стало тяжелым. Необычное спокойствие пришло внезапно, вместе с теплом в ногах. Он подумал, что наконец перестал ехать, ждать, смотреть в чужие лица. Этому спокойствию легко было найти причину.

Потом в коридоре зашуршало.

Павел открыл глаза. Дверь была приоткрыта, в узком просвете прошел человек с мешком. За ним — Матвей. Ключи звякнули, и Павел увидел большую седую бороду.

— Куда? — спросил он, не разобрав, вслух ли.

В коридоре стихли шаги.

Утром у сарая лежали колышки, связанные шпагатом. На завтрак Савва не пришел. Его кружка стояла на полке, доньшком к стене.

— Савва уехал? — спросил Павел.

Лидия застыла с половником.

— Ему дальше пора.

— Куда дальше?

Она перелила кашу в тарелку, хотя та была уже полной.

— Он очистился, — сказала она и позвала следующего.

5. Счет людей

После завтрака Агния попросила его остаться. Павел решил, что речь пойдет о Савве, и сразу оглянулся на кухонную дверь. Но она достала из шкафа две стопки тетрадей.

— Поможете донести? Дети сегодня в большом доме занимаются. После этого Семен покажет работу.

Тетради были обычные, в клетку и линейку, с изображениями животных на обложках. Павел взял обе стопки. Агния не позволила: унесла половину сама. Во дворе моросило. Она прикрывала тетради полкой куртки и на ходу рассказывала о школе.

— Детям нужно учиться. Мы не против образования, что бы ни говорили. Есть учебники, занятия. Когда нужно, выезжаем. Взрослые вправе выбирать жизнь, а за детей отвечают родители.

— Родители все здесь?

— У большинства.

— У остальных?

— У каждого своя история. Не всегда подходящая для первого разговора во дворе.

Он умолк. Ответ был разумным, и это снова раздражало.

В большом доме пахло пылью и свежей краской. За столом сидели четверо детей. Маша, которую Павел видел с ведром, наклеивала на картон засушенные листья. У младшего мальчика руки были в клею, он пытался оттереть их о штаны. Женщина возле окна решала с девочкой задачу, проводя карандашом между строк.

— Новый папа? — спросил мальчик.

— Новый гость, — поправила Агния.

Он потер нос перепачканным пальцем.

— У нас папы иногда всем помогают.

Женщина у окна подняла глаза. Мальчик явно повторял выражение, которое слышал от взрослых. Агния погладила мальчика по голове и попросила не фантазировать. Павел положил тетради на полку, где стояли пластиковые стаканы с карандашами. На одной обложке было написано «Захар». Почерк взрослый, старательный.

За спиной захрустел стул. Маша встала, взяла влажную тряпку и молча вытерла мальчику руки. Тот сопротивлялся без особого рвения. Она не ругалась и не улыбалась, делала это как работу.

— Ты сейчас заниматься должна, — сказал Павел.

Девочка остановилась.

Женщина у окна положила карандаш.

— Маша помогает. У нас нет отдельной прислуги.

Он почувствовал, что вмешался не туда. Он уже хотел сказать «она ребенок», но спохватился: ничего не знал о сегодняшнем дне этой семьи. Промолчать — оставить девочку стоять между взрослыми. Павел взял у нее тряпку.

— Тогда я закончу. Руки у меня все равно грязные.

Мальчик посмотрел с недоверием, но дал вытереть пальцы. Маша вернулась к листьям. Агния наблюдала молча.

На обратном пути она спросила:

— Вы всегда так быстро решаете, кому нужна помощь?

— Я вытер ребенку руки.

— Я видела.

— Зачем тогда спрашивать?

Агния остановилась возле колодца. Дождь собирался у нее на коротких волосах мелкими каплями.

— Потому что после вашей помощи кто-то должен объяснять, почему вчера он был плохим взрослым. А вы просто пойдете дальше.

Павел посмотрел на окна дома. Подобными словами его уже пытались заставить замолчать. Но Агния не повышала голоса и не требовала извиниться.

— Вы считаете, что здесь все правильно?

Она подумала.

— Я считаю, что многое стало лучше, чем у людей было раньше. Иногда это все, что можно сделать.

— И где тогда граница?

— Там, где человек сам ее проводит.

Сказав это, она первой пошла к столовой. Павел догнал ее у дровника.

— Мне хотелось бы знать, сколько людей здесь живет.

— Для чего?

— Просто знать.

— «Просто» обычно значит, что человек пока не хочет назвать причину.

Он усмехнулся. Она тоже, почти тепло.

— Постоянно — по-разному. Кто-то уезжает, кто-то приезжает. Сейчас на этом дворе чуть больше тридцати взрослых. Детей шестеро. С едой мы справляемся, не переживайте.

— Еще гости бывают?

— Да. И работники на других участках.

Это было сказано легко, без попытки спрятать. Павел хотел спросить о девушках, но Агния уже открывала дверь кухни. Он вспомнил, как в деле любого подозреваемого можно было заставить нервничать простым повторением вопросов. Теперь нервничать приходилось ему: каждое уточнение выдавало, что он приехал не за тишиной.

В столовой осталась женщина, которая вчера сравнила работу детей с картошкой в собственном детстве. Она мыла скамейки, подложив под одно колено свернутую куртку. Звали ее Галина. Павел предложил поднять скамью, чтобы было удобнее.

— Подержи, если не тяжело.

Агния ушла. Галина работала быстро, не боялась замочить рукава. Под скамьей обнаружился карандаш. Она вытерла его тряпкой и убрала в карман.

— Вы давно здесь? — спросил Павел.

— Четвертый год. Только не говори, что много. В прежнем месте двадцать два было.

— Где работали?

— На швейной фабрике. Потом фабрика кончилась. Мама заболела, дочка выросла, муж нашел, где легче. Все как у людей.

Она сказала это без жалобы. Павел держал скамью, ждал.

— Здесь я хоть не одна. Вечером есть с кем поесть. Пока могу работать — работаю. Когда болею, принесут суп. Ты думаешь, это мало?

— Не думаю.

— А выглядишь так.

Он опустил скамью. Галина проверила, не качается ли, вытерла верх.

— У вас дети приезжают? — спросил он.

— Дочь. Раз приезжала. Сказала, что я сектантка, и захотела чайник забрать. Наш семейный. А он у меня свой, электрический, в комнате. Представляешь? Она думала, мы здесь без розеток.

Галина засмеялась. Павел невольно тоже. На мгновение место стало понятным: человек с собственным чайником, которого никто не ждал дома, нашел, где по вечерам горит свет.

Потом он вспомнил Саввину пустую кружку.

— А если захотите уехать?

Галина перестала смеяться.

— Я пока хочу здесь.

— Я спросил про «если».

— А мне всю жизнь про «если». Если бы нашла другую работу. Если бы не терпела. Если бы родила второго. Хоть здесь можно не жить задним числом?

Павел взял вторую скамью. Держал, пока женщина домывала пол, и больше ее ни о чем не спрашивал.

В мастерскую он пришел с мокрыми рукавами. Семен посмотрел на них, затем на лицо.

— С Галиной говорил?

— Да.

— Хорошая женщина. Только это не значит, что она все видит.

Павел снял куртку, повесил на гвоздь. До контрольного звонка оставалось меньше часа. Он еще не знал, что сообщить Орловой: доброе здесь не делало плохое невозможным, но из-за доброго называть плохое становилось труднее.

6. Мастерская

Семен выдал ему рубанок, проверил, как закреплена доска, и отошел к другому верстаку. В мастерской работали вдвоем. Через раскрытую дверь было видно дорожку к конторе; всякий, кто шел по ней, сначала появлялся ногами в проеме, а потом уже целиком.

Павел провел рубанком. Лезвие зацепилось за сучок.

— Поперек не дави, — сказал Семен. — Обойди сначала.

— Знаю.

Он нажал сильнее, и древесина выломилась.

Семен забрал рубанок, выровнял скол несколькими движениями. Не стал объяснять. Павлу пришлось стоять рядом и смотреть, как другой человек исправляет то, что он испортил.

— Я давно не делал, — сказал он.

— Вижу.

На стене висел лист с заказами. Табуреты для гостевого дома, ящики для ягод, полки. Внизу — количество отработанных часов. Фамилий не было, только имена и номера. Возле «Савва, 14» стояло «передан».

— Это учет зарплаты? — спросил Павел.

— Учет работы.

— А платят как?

Семен посмотрел на него.

— Ты сюда за зарплатой приехал?

— Я спросил.

— Заказ сдадим, тогда считают.

Павел стряхнул стружку с рукава. На полу возле печки лежали обрезки желтой нити. Такая же была продета в ушко длинной иглы на подоконнике; ею Семен прошивал ремни и тесьму для отправки в швейную.

— Здесь еще шьют?

— Тут все делают.

Павел достал из кармана распечатку. Развернул ее на чистом краю верстака.

— Я ищу человека. Девушку.

Семен не подошел. Сначала глянул на дверь, потом опустил глаза на фотографию.

— Не надо здесь, — сказал он.

— Ты ее знаешь?

Семен молчал.

— Я отец. Ее полгода нет дома.

Доска на другом верстаке медленно сдвигалась к краю. Семен остановил ее ладонью.

— Убери.

— Скажи только, жива она?

В дверном проеме появились ботинки Матвея. Павел успел сложить снимок, но спрятать уже не смог. Матвей посмотрел на бумагу в его руке.

— Агния ждет. Звонить пора.

Было без десяти десять. Значит, время помнили и здесь.

Павел прошел за ним. Семен остался у верстака, прижимая доску ладонью. Когда Павел обернулся, тот смотрел в пол.

В конторе Агния опять разрезала пакет при нем. Павел подключился к сети и сразу отправил Орловой текст: «Телефон только в конторе, при сотруднице. Один мужчина исчез ночью. Назвали Саввой. При словах о дочери плотник испугался». Потом позвонил.

— Сообщение вижу, — сказала Марина. — Ты можешь сейчас выйти?

— Вряд ли с телефоном.

Агния подняла голову.

— Я спрашиваю, можешь ли ты сам выйти из поселения.

Павел посмотрел в окно на открытые ворота.

— Пока не пробовал.

— Попробуй. Не через лес. Попроси отвезти тебя. Документы забери.

— Я еще не выяснил.

— Паша, я получила твои сведения. Сейчас это моя работа.

Он провел пальцем по старой трещине на столешнице.

— Сколько ждать?

— Сегодня коллега свяжется с руководством. Послезавтра будет там с проверкой по обращению. Это то, что я могу сказать точно.

— Хорошо. Послезавтра.

— Сегодня в семь снова звонишь. Если не дадут, скажи, что ты должен поговорить с врачом. Не сочиняй больше никакой службы.

После разговора Павел отдал телефон.

— Мне нужны будут документы, — сказал он Агнии. — Я пока решаю, останусь ли.

— Конечно. Когда решите, предупредите. До утра машина занята.

— Паспорт я хочу сейчас.

Она выдержала короткую паузу, затем достала его из пакета. Павел убрал паспорт во внутренний карман. Это оказалось слишком просто. Он поймал себя на облегчении и снова насторожился: легкость одного требования еще ничего не говорила об остальных.

После работы он спустился к берегу. Здесь стояла баня с синими наличниками. Павел сверился со снимком. На фотографии доски были темнее, под окном виднелся зеленый потек. Баня не подходила. Он обошел причал: две плоскодонки, небольшой катер под брезентом, пустые бочки. На борту катера белой краской была выведена девятка.

Перевернутая цифра в окне стала понятнее. Если снимали с противоположной стороны другого причала, она могла попасть в отражение. Но могла и не попасть. Павел раньше много раз ошибался, превращая нужную ему возможность в единственное объяснение.

Он убрал фотографию. На скамье возле воды сидела Лидия с тазом мокрого белья. Она не стирала и не развешивала его, просто держала ладони на ткани.

— Это все на продажу? — спросил он.

— Для гостей.

— Столько гостей?

— Куда нужно, туда и отвозят.

Он сел на дальний край скамьи.

— У вас тут никто не пропадал?

Лидия встала.

— Вы про Савву? Ему самому пора было. Он все время мучился.

— От чего?

Она взяла таз, уперев его в бедро.

— Не надо так спрашивать. Вы же потом уедете.

Павел хотел ответить, что не уедет без дочери, но женщина уже уходила. Она боялась не только его вопросов. Она боялась, что ответит.

Вечером он снова позвонил Орловой. Сообщил про паспорт, берег и катер. Она повторила: послезавтра приедут. Он пообещал не искать ночью.

В комнате Семен чинил ремень. Увидев Павла, он убрал шило.

— Фото больше не показывай.

— Почему?

— Потому что у фотографии есть оборот.

Павел сел напротив него.

— Откуда ты знаешь?

Семен зажал ремень коленями, снова продел иглу в отверстие. Илья вышел умываться; из коридора слышался плеск воды.

— Ты отдал мне письмо?

— Я сказал: не показывай.

Павел хотел взять его за руку, но вспомнил доску под широкой ладонью. Здесь он уже успел сделать чужую жизнь опаснее, ничего о ней не узнав.

— Хорошо, — сказал он. — Не буду.

Семен не поблагодарил. Плотно затянул стежок и обрезал нить зубами.

7. Право уйти

Илья решил уехать на третий день. Накануне вечером он оживленно рассказывал о насосе, за ужином попросил добавки и даже вызвался помочь с посудой. Утром сидел на кровати, сжимая телефонную расписку.

— Не мое, — сказал он. — Я думал, здесь по-другому.

— Что случилось?

— Ничего. Просто не мое.

Павел завязывал ботинки и ждал. Он научился молчать во время работы с людьми, но дома почти никогда не пользовался этим умением. Илья провернул бумагу в пальцах.

— Мне на собрании сказали: не надо все время шутить. Я не шутил. Я сказал, что тоска, когда без музыки работаешь. А они двадцать минут разбирали, чего я боюсь в тишине. Я боюсь, что усну у этого насоса, вот чего.

Он попытался рассмеяться, но не смог.

Павел пошел с ним в контору. Агния слушала доброжелательно. Предложила завтрак, потом попросила дожждаться Матвея. Все слова были обычными, ни одно не выглядело отказом. Матвей появился через час и сказал, что сможет отвезти их ближе к обеду, если закончит с дровами. Илья согласился помочь с дровами, чтобы выехать раньше.

Павел остался в конторе.

— Мне тоже нужно сегодня в поселок, — сказал он. — Если машина не пойдет, я выйду пешком.

— Девятнадцать километров по дороге. Обувь у вас хорошая?

— Хорошая.

— Там две развилки. Давайте нарисую.

Агния достала лист. Павел ждал подвоха, и это мешало ему следить за карандашом. Она нарисовала обе развилки правильно — по крайней мере те, что он запомнил. Указала мост.

— Но лучше с машиной. Не надо никому доказывать самостоятельность.

Павел взял схему.

У дровника Илья складывал поленья. Рядом стоял Ланской. Он не убеждал остаться, а спрашивал, куда молодой человек поедет. Илья отвечал тихо.

— Домой, — слышал Павел.

— Тебя там ждут?

— Ну да.

— Кто именно?

Илья посмотрел на него. Павел подошел ближе.

— Поедем вместе, — сказал он.

Ланской обернулся.

— Безусловно. Я только хочу убедиться, что человек едет туда, где ему безопасно.

— Это он сам решит.

— Конечно. Илья, ты сам решишь?

Илья уронил полено. Оно ударилось о носок ботинка.

— Я же сказал. Пока домой.

— Хорошо. Но о долге разговор был настоящий? Или и это шутка?

Молодой человек застыл.

Ланской не повысил голос. Он сказал, что у каждого есть право менять решение и никто не заставляет Илью оставаться. Потом напомнил о людях, которым тот задолжал деньги, о комнате, из которой съехал, о телефоне, на который страшно смотреть. Каждую подробность Илья, видимо, сам рассказал на вчерашней беседе.

— Здесь у тебя есть кровать, работа и люди. Снаружи пока только требование заплатить. Подумай до обеда. Не потому, что я прошу. Ради себя.

Ланской ушел. Илья стоял, прижав полено к животу.

— Он не должен был при тебе, — сказал он.

— Ты не обязан слушать.

— А куда я поеду?

— В районном центре гостиница. Потом разберемся.

Илья посмотрел на него с внезапной неприязнью.

— Кто разберется? Ты? У тебя деньги есть, да? Или ты просто говоришь, как все?

Павел не ответил сразу. Денег хватило бы на несколько дней. Дальше он уже представлял себе звонки, просьбы, работу, которую придется искать вместо Лизы. Его помощь существовала в очень узком промежутке, и Илья это увидел.

Перед обедом Илья подошел к нему сам. Сказал, что останется еще на неделю, — раз уж приехал. Павел не стал спорить. Ему было стыдно за то, как быстро он обрадовался: уезжать одному стало необязательно.

После обеда он все же дошел до ворот. Матвей остановил его не рукой, а вопросом:

— Тебе машину готовить или идешь?

— Пройдусь.

— Только до моста не надо. После дождя плиты разошлись. Вниз соскользнешь, не увидит никто.

— Я по дороге.

Матвей кивнул, вернулся к фургону.

Павел прошел около километра. Деревья закрыли двор, и стало слышно, как вода стекает в придорожные канавы. Он вынул телефон по привычке, хотя в кармане лежал только паспорт. На развилке стояла старая вешка с двумя белыми чертами. Никакой стены вокруг поселения не было. Можно было идти дальше, дойти до людей, вернуться с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.